

— Тогда квалифицируй по этой статье. — Терпение Лу Цунгу было на исходе.

Ин Бо помедлил и снова, набравшись смелости, отверг вариант:

— Опять тот же вопрос: разве лечение людей — это преступление?

— То есть выходит, он вообще ни в чём не виноват? — Лу Цунгу вскочил, хлопнув по столу. — Что мне допрашивать?

— Я... я всё ещё обдумываю этот вопрос. — Нервозность Ин Бо выдала его полностью, он начал заикаться.

Лу Цунгу вздохнул и снова сел:

— Где план допроса?

Услышав это, Сюй Вэйжань молча открыла шаблон документа — в плане не было написано ни слова.

— Пока не спеши, я подумаю, как решить, если ничего не выйдет, я вынесу постановление об отказе в возбуждении дела. — Ин Бо отмахнулся. — Не волнуйся, раз дело у меня, я не позволю, чтобы ответственность пала на вас.

Дойдя до этого момента, Лу Цунгу уже всё понял. Он осушил чашку с чаем, взял пиджак и направился к двери, но замер на пороге:

— В следующий раз, если сыграешь такую шутку, я не буду церемониться.

Раскусив его замысел, Ин Бо, наоборот, расслабился. Его осторожное выражение лица наконец смягчилось, он встал и спросил:

— Э... может, в выходные сходим навестить Тунтун?

— Какая чушь, — подумал Лу Цунгу.

Но что ещё более странно, у него не было ни малейшего желания категорически отказаться — возможно, потому что ни один человек с сердцем не мог не беспокоиться о несчастном ребёнке. Он обернулся и какое-то время смотрел на Ин Бо, прежде чем сказать:

— Она боится людей.

На лице Ин Бо появилось загадочное выражение:

— У меня есть способ.

*

— И это твой способ?

Глухой голос Лу Цунгу раздался из-под маски. Он боролся с длинными ушами кроличьей головы, которые постоянно падали и закрывали обзор. Да, это был способ Ин Бо — переодеться в бесполой костюм, чтобы Тунтун не боялась.

Состояние Тунтун значительно улучшилось, её перевели в новую палату, где лежали дети младше десяти лет, и даже запах дезинфекции смешивался с ароматом цветных карандашей. Сюй Вэйжань тоже добровольно пожертвовала выходными и пришла с ними в больницу, рассказывая Тунтун сказки в палате.

Воротник костюма панды впивался в подбородок Ин Бо, десятки килограммов наполнителя давили на спину. В темноте он сунул несколько пачек мармеладок, которые любят все дети, в карман на живота, где уже лежала мини-укулеле и другие реквизиты. Он уже пожалел, что выбрал эту душную маску — через щель в костюме он видел, как Лу Цунгу в костюме кролика с висячими ушами, с дрожащим хвостом, уже немного облезлым, из-под розово-белого меха выглядывали брюки униформы.

— Чёрт... — розово-белый кролик издал не очень гармоничный низкий звук. — Тяжелее бронжилета.

Ин Бо же разошёлся, он хлопал лапами, принимая позу кунг-фу панды, словно собирался сразиться с Лу Цунгу. Тот не был в настроении для игр, уклонился от нескольких томных ударов и потянулся за спину — прядь его волос застряла в молнии костюма.

В дверь вошла мама Тунтун, и на её измождённом лице появилась тень улыбки. Её взгляд скользил между большим животом панды и облезлым хвостом кролика, уголки губ дёргались, она резко отвернулась, плечи дрожали, как в лихорадке, сдерживая смех:

— Ребёнок только что проснулся после дневного сна.

Ин Бо с трудом передвигался, расставил ноги и уселся на складной стул в игровой комнате, положив голову костюма на колени. Лапами он помог Лу Цунгу высвободиться из плена маски и поманил Лю Илин:

— Присаживайтесь.

Хлипкий стул, вынужденный выдерживать вес взрослых мужчин плюс десятки килограммов наполнителя, издал жалобный скрип. Лапа-кроличья лапка Лу Цунгу легла на спинку стула:

— Ребёнок всё ещё видит кошмары?

Пальцы Лю Илин переплелись, она слегка кивнула:

— Иногда, но лучше, чем раньше. Соцработники часто навещают её, есть профессиональный психолог, который с ней занимается.

Лу Цунгу облегчённо вздохнул. Ин Бо посмотрел на него и, заметив в его растрёпанных волосах синтетический мех, невольно усмехнулся, затем спросил:

— План дальнейшего лечения уже составлен? Сколько ещё времени потребуется?

— На следующей неделе снимут внешний фиксатор с большеберцовой кости. — Лю Илин скребла ногтем по наклейке с мультяшным персонажем на холщовой сумке. — Срок... не знаю. Врачи говорят, что в лучшем случае потребуется минимум три-четыре месяца восстановления.

— Мой научный руководитель — светило в Первой центральной больнице, у него есть связи. Если восстановление пойдёт плохо, могу поспрашивать. — Он вдруг замолчал, осознав, что проблема, возможно, не только в больнице. — С деньгами на лечение проблемы?

— Страховка покрывает большую часть, ещё добрые люди жертвовали, но всё равно не хватает. Муж выставил квартиру на продажу, мы снимем жильё поближе к больнице, чтобы ухаживать.

Предыдущие операции уже обошлись в сотни тысяч. Ин Бо потянулся за телефоном, но вспомнил, что он в кармане брюк, и сдался:

— Я потом спрошу коллег из отдела по делам несовершеннолетних, возможно, можно подать на судебную компенсацию.

— Доставляем вам столько хлопот... — голос Лю Илин дрожал.

Ин Бо встал, налил ей воды, достал из кармана костюма пачку мармеладок и протянул:

— Вы говорили, ребёнок любит это?

— После больницы больше не притрагивается. — Лю Илин сжала мармеладки в руке и покачала головой. — Ей дали конфеты те плохие люди, она плакала, говорила, что больше не будет, что больше не посмеет.

Ин Бо едва слышно вздохнул:

— Она всё ещё ничего не хочет говорить?

— Когда приходил психолог, он давал ей несколько игрушек и говорил, чтобы она делилась с ними своими переживаниями.

В углу кулер внезапно булькнул, сливаясь с рыданием в горле Лю Илин. Она замолчала на мгновение, затем продолжила:

— В тот день я стояла за дверью и слушала, как она разговаривает с игрушкой. Она спросила, почему папа её бросил...

Ин Бо вдруг осознал, что на этот раз отец ребёнка, Чжу Чжицян, снова отсутствовал. Интуиция подсказывала ему, что в словах и поведении девочки была какая-то странность: боязнь мужчин после такого ужасного опыта была естественной, но почему она боялась даже отца?

Он колебался, не зная, стоит ли об этом говорить:

— Вы понимаете, сейчас ребёнок — единственная зацепка по «Красному дому»... Другие подозреваемые тоже упоминали «Красный дом», но все как один заявляли, что «не знают, где он находится». На данный момент можно было точно сказать только то, что «Красный дом» был убежищем Юй Цзэлуна и его жены Цао Кэхун. Никто не хотел снова и снова беречь раны ребёнка, но ситуация была критической.

<http://tl.rulate.ru/book/5593/200022>